

Шереметьева Мария Юрьевна,
Магистрант, ВГУ
Sheremetyeva Maria Yurievna,
Voronezh State University

СТРУКТУРА ОЖИДАНИЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
THE STRUCTURE OF EXPECTATION IN F. M. DOSTOYEVSKY'S
NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT"

Аннотация. Статья посвящена анализу ситуации ожидания как ключевого структурообразующего принципа романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». На примере взаимодействия Раскольникова и Порфирия Петровича демонстрируется двойственная природа ожидания в романе, для анализа привлекается типология нарратива Люка Болтански.

Abstract. The article analyzes the situation of expectation as a key structuring principle in Fyodor Dostoevsky's novel "Crime and Punishment." The interaction between Raskolnikov and Porfiry Petrovich demonstrates the dual nature of expectation in the novel, and the typology of narrative by Luc Boltanski is used for analysis.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», ситуация ожидания, структура нарратива, Родион Раскольников, Люк Болтански.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Crime and Punishment, the situation of expectation, the structure of the narrative, Rodion Raskolnikov, Luke Boltanski.

Ситуация ожидания характерна для творчества Ф.М. Достоевского, который часто намеренно помещает своих героев в условия ожидания чего-либо. Идейный и сюжетный пласты романа «Преступление и наказание» вырастают из различных микро-ситуаций ожиданий героев, образуя собой глобальные ситуации-ожидания. Ожидание в романе организует всё повествовательное пространство, реализуясь одновременно на трех уровнях: детективно-психологическом (жанр детектива), идеологическом (идея Раскольникова) и религиозном (линия Сони Мармеладовой и евангельский текст в романе).

Перед нами пример того (в жанровом отношении это было замечено давно – еще Леонидом Гроссманом, Бахтиным и другими), как внешне детективная сюжетная структура, формально оставаясь детективом, внутренне преобразуется в нечто принципиально иное. Главным образом ситуация ожидания связана с центральным героем романа – Раскольниковым и персонажами вокруг него: Порфирием Петровичем, Соней Мармеладовой, Свидригайловым. Взаимодействуя с Раскольниковым, реализуя разные поведенческие стратегии, эти герои (каждый по-своему) подталкивают Раскольникова к признанию. Здесь же мы ограничимся анализом взаимодействий Раскольникова и Порфирия.

Родион Раскольников – главная фигура романа «Преступление и наказание», убийца, разрешивший себе пролить кровь «по совести». Раскольников ждет не просто наказания, он ждет подтверждения или опровержения собственной теории об «избранных» и «материале». Его состояние после преступления – это сразу несколько ожиданий.

С одной стороны, он панически боится и ждет момента, когда его раскроют, поймают, найдут явные улики, доказательства его вины, придут с обыском. С другой стороны, вопрос для Раскольникова о том, тварь ли он дрожащая, или все же право имеющий «Наполеон», остается для него открытым и после преступления. Герой проверил, способен ли «переступить», даже и переступил, но главный вопрос, к какому разряду он принадлежит,

остался открытым. Раскольников ждет Суда, но не только юридического, но и метафизического, который рассудит, кто он по своей сути. Раскольников даже в большей степени боится вовсе не юридического наказания, он боится обнаружить, что заблуждался, причислив себя к разряду исключительных людей, что напрасно проливал кровь, ведь убийство не помогло ему не только осчастливить человечество, но даже просто воспользоваться деньгами. В целом у Раскольникова после преступления два фундаментальных ожидания: он ждет того, когда его раскроют как преступника, и он ждет, подтвердится ли его избранность.

Порфирий Петрович, в отличие от Раскольникова, находится в позиции активного наблюдателя. Он ждет от Раскольникова, своей «жертвы» не признания, как такового (в тексте есть сцена, где он прямо говорит, что арестовать его он мог бы и раньше), а психологической и идейной капитуляции. Порфирий, будучи гениальным следователем-диалектиком, понимает, что Раскольникова погубит не явная улика, а потребность в изживании совестью преступления и внутренний конфликт с собственной теорией, когда убийца наконец поймет, что он не имел права на убийство и устанет жить в постоянном страхе, стыде и неопределенности собственной судьбы.

Стратегия Порфирия Петровича – это тонкое психологическое давление на преступника, знаменитые разговоры с подтекстом, где он дразнит Раскольникова, подсовывая ему то его же статью, то разговоры о «законе природы и совести». Порфирий ждет того момента, когда Раскольников сам внутренне не выдержит разрыва между теоретическим презрением к миру и своей реальной человеческой природой, не терпящей пролития крови.

«Цель Порфирия – заставить внутренний голос Раскольникова прорываться и создавать перебои в его рассчитано и искусно разыгранных репликах» [1, с. 375] – пишет Михаил Бахтин о полемике двух героев, включенной в общую полифонию идей и голосов романа. Вот как Порфирий Петрович объясняет почему такой преступник, как Раскольников, никуда не убежит от следствия (хотя при этом открытого обвинения и задержания еще не было): «А нервы-то-с, нервы-то-с, вы их и забыли-с! Ведь все это ныне большое, да худое, да раздраженное!..» [2, с. 261]. Следователь понимает, что убийца, замученный собственным страхом, истерзанный и казненный своим же подсознанием, рано или поздно не выдержит пытки больной совести, и сам, самолично придет с повинной.

Расчет Порфирия верен: Раскольников, сам напрашивающийся на разоблачение, втягивается в эту игру. Уверенный в своей избранности и исключительности, человек с уязвленным нищетой самолюбием, он пытается обхитрить следователя, но безрезультатно. Раскольников лишь сильнее увязает в попытке просчитать все ходы, спастись остроумием от правосудия, однако же главный суд, суд совести происходит внутри него самого, так как совершенное преступление изначально противоречило человеческой природе героя. Раскольников попадает в психологическую ловушку собственной теории. Здесь нам представляется возможным провести разграничение между поведением и ожиданием двух этих героев. Французский исследователь Люк Болтански в своей работе «Тайны и заговоры. По следам расследований» [3] проводит, на наш взгляд, очень важную типизацию нарратива. Болтански различает два типа нарратива: классический детективный роман, где есть объективное преступление, детектив (следователь), который постепенно собирает улики, и в финале тайна преступления разгадывается, преступник раскрывается, истина представляется единой. Второй же тип нарратива – «роман о заговоре», или параноидальный роман. Здесь «истина» бесконечно множится, а за каждым разоблачением скрывается новый, более хитрый заговор.

Применительно к художественной структуре «Преступления и наказания» можно говорить о том, что Порфирий Петрович (хоть и с большой долей психологизма) действует по модели классического детектива: его основная задача – поймать преступника, найти улики,

раскрыть дело. Раскольников же, после совершения убийства, то есть на протяжении почти всего повествования находится в измененном состоянии разума, при котором ему кажется, что все вокруг (Заметов, мещанин, люди) знают о его страшной тайне, он находится в параноидальном ожидании собственного разоблачения. Он начинает гипертрофированно интерпретировать случайности как знаки заговора всего мира против него. Болтански помогает описать это состояние как кризис реальности: Раскольников больше не доверяет явному смыслу событий, он везде ждет подвоха. Его ожидание – это ожидание реализации тотального заговора против него и его же поимки и разоблачения.

Болтански подробно описывает фигуру «параноика», который считает себя центром мироздания, вокруг которого плетутся интриги. Нам это позволяет увидеть в поведении Раскольникова после убийства не просто страх, а специфическую когнитивную стратегию поведения, порожденную болезнью его сознания, в котором его уже поймали. Герой как бы все время проверяет пространство и время на подлинность, пытается осознать себя в них после произошедшего убийства, после которого для Раскольникова ведется свой, особенный временной отсчет, протекающий в бесконечном ожидании разрешения тайны собственной судьбы. Пытаясь прожить травму заново, испытав те же будоражащие психику ощущения, что и в день преступления, он идет в квартиру старухи, звенит в дверной колокольчик («Тот же колокольчик, тот же жестяной звук!» [2, с. 134]). Он будто специально помещает себя в ретроспективную ситуацию убийства. «Прежнее, мучительно-страшное, безобразное ощущение начинало все ярче и живее припоминяться ему, он вздрагивал с каждым ударом, и ему все приятнее и приятнее становилось» [2, с. 134].

Задача следователя здесь – попытаться разрушить замкнутый круг параноидального сознания Раскольникова, который попался в ловушку «психологии о двух концах», в котором он и убийца, и жертва. Порфирий таким образом ждет того, когда убийца не выдержит собственного преступления, разомкнет круг бесконечного ожидания и сделает единственно верный в его ситуации шаг, явку с повинной.

В заключение следует подчеркнуть, что ситуация ожидания в романе «Преступление и наказание» выступает не просто сюжетным приёмом, а главным структурообразующим принципом, организующим всё повествовательное пространство. На примере взаимодействия Раскольникова и Порфирия Петровича отчётливо видно, как ожидание приобретает двойственную природу: для следователя оно является инструментом классической детективной логики (терпеливого ожидания психологической и идейной капитуляции преступника), тогда как для самого Раскольникова оно трансформируется в параноидальное переживание-подозрение.

Используя типологию Люка Болтански, можно утверждать, что Достоевский сознательно сталкивает в романе два нарративных типа: детективный (линия Порфирия, классический детектив) и параноидальный (сознание Раскольникова, погружённое в бесконечное умножение подозрений и заговоров). Именно это напряжение между внешней детективной формой и внутренним психолого-идеологическим содержанием позволяет Ф.М. Достоевскому преодолеть жанровые границы классического детектива.

Ожидание Раскольниковым не столько юридического приговора, сколько метафизического ответа на вопрос о собственной «избранности» превращает роман в глубокое исследование природы преступления, совести и самосознания человека. Финал – явка с повинной – становится не торжеством сыска, а моментом размыкания параноидального круга, когда герой отказывается от бесконечного ожидания и принимает единственно возможное решение, продиктованное уже не логикой заговора, а внутренней потребностью в искуплении. Таким образом, ситуация ожидания в «Преступлении и наказании» служит ключом к пониманию как психологической динамики героев, так и философской проблематики романа в целом.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Соч. : в 7 т. – Москва, 2002. – Т.6. – 505 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Том 6 / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1973. – 426 с.
3. Болтански Л. Тайны и заговоры. По следам расследований / Л. Болтански. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 502 с. – (Прагматический поворот ; вып. 9). – ISBN 978-5-94380-274-4.

